«Ли Бо уже в лодке своей сидит,
отчалить ему пора...»
Ли Бо. «На озере персиковых цветов»

Ли Бо

По реке величавой
гонит лодку волна;
над далекой заставой
проплывает луна.

Берега и протоки
слышат шелест шеста
по высокой осоке,
что ласкает борта.

Плыл в изгнанье виновник
напридуманных бед, —
невеликий сановник,
но великий поэт.

Был в стихах он изящен,
а в речах не таков —
спорил с вышестоящим
и наспорил врагов.

Вот и плыть человеку
до заоблачных мест...
В безразличную реку
погружается шест.

Целый век так проплавай —
ни покоя, ни сна...
будет век над заставой
плыть все та же луна.

Будет в той же печали
где-то грезиться дом...
Так ли было вначале?
Так ли будет потом?

Был ли век без страданий,
без борьбы, без интриг,
век из древних преданий
про небесных владык?

Тех правителей мудрых,
искушенных мужей
в наставленьях и сутрах —
нет на свете уже.

Нынче все изменилось —
мир погряз в суете.
Их Высокая Милость
далеко уж не те.

О нужде и народе
вести им не нужны,
добродетель не в моде,
наставленья скучны.

И сердца их закрыты,
им мольба не слышна.
Нет и в Небе защиты,
но... какая луна!

Дай же повод надежде,
укажи мне, луна,
где, счастливая прежде,
та, былая страна?

За каким перекатом
край, где нету вражды,
где в селенье богатом
ни долгов, ни нужды?

Где законы не строги,
ибо правит любовь,
как по лунной дороге
правит лодкой Ли Бо.

Где изгнаннику рады,
где блаженство и тишь...
Но кругом лишь цикады,
гаолян да камыш.

Да поля до границы,
до предела земли,
да река, что струится
вдаль на тысячу ли.

И луна убывает, —
предрассветный покой...
Новый день наплывает
как туман над рекой.

И до утренней стражи
в восходящий рассвет
плыл чиновник неважный,
но великий поэт.

Прохожий

По отцветающей земле
шел человек в вечерней неге.
Чеканных звезд в восточном небе
не будет более, чем лет,
что между днями — тем и этим.
Кем был он? Впрочем уж, сейчас
ни мы на это не ответим,
ни те, кто будут после нас.

К тревоге, боли, суете
все привыкает поневоле;
а кто привык — тем до него ли?
В своей наивной правоте
купец подвалы заполнял,
а караул спешил на смену,
пастух отару загонял,
чинили каменщики стену.

Шел человек осенним днем —
герой резца, пера и кисти;
рабы свой срок отживших истин
имели мнение о нем,
что он питается травой;
что учит жить, а сам-то — нищий,
что хлыст над этой головой
не раз, не два еще посвищет.

И нет бы, жить своим трудом —
не раздражать жестоких судей,
не разглашать глубоких сутей.
Полезно помнить и о том,
что размечтавшиеся вслух
подолгу не гостят на свете —
свет истребляет их как мух,
а их слова уносит ветер.

В тот век расправа ни за что
была вполне привычным делом.
Никто не понял в мире целом,
что в эти дни произошло
в одной из мелких областей,
что неизменно пустовала,

где спали страсти всех мастей,
и лишь любовь — не ночевала.

Но некто, помня те слова,
запишет их свинцовым стержнем,
и мир уже не будет прежним, —
слова войдут в свои права,
и больше ни в один из дней
так не изменится планета,
как в день, когда прошел по ней
тот человек — из Назарета.

Индия

Из поэмы «Марпа лоцава»

Спит Индия... как пыль, на ней
материков и гор древней
лежит замшелая усталость.
Она могла б сверкать огнем,
но в липкой дреме день за днем
прошли века — и что осталось?
Спокойный взгляд прикрытых глаз
сквозь патину старинной бронзы,
да опустевшие до нас
ступени храмов, где сейчас
днем змеи греются на солнце.
Цветенья тусклые следы, —
былые рощи и сады,
где ныне — лишь развалин груды,
да вдалеке от суеты
на мир взирают с высоты
из скал исторгнутые Будды.
Они, вне сроков и границ
трех вечных колесниц возницы,
седой истории страниц
участники и очевидцы.
Одевшись в каменный наряд,
о чем-то с ветром говорят
тысячелетние гиганты,
невозмутимы и стройны,
как вздох прохладной тишины
в пещерах сумрачной Аджанты...
Зачем же лучший из даров
давно исчезнувших миров —
дар величайшей в мире пользы,
и сострадания тепло
хранит их каменная плоть
и вековая зелень бронзы?

Спит Индия! А мир в огне
летит во тьму вослед кометам,
но в безмятежной тишине
она не думает об этом.
И, не мечтая мир спасти,
плывет, не ведая пути,
как облака плывут над нею
в страну дворцов и райских птиц,
апсар — небесных танцовщиц,
во сне все больше каменея
в плену томительных сетей,
в кругу рождений и смертей,
и вновь смертей, и вновь рождений...
Так, в землю вросшим валуном
спит Индия глубоким сном
и видит сны о пробужденье.

Дорога к фронту

Это даже еще не начало.
Это — двух составляющих помесь, —
Эшелона — с дорогой на шпалах,
под поклоны шлагбаумов в пояс.

Где-то пишут по черному мелом
доказательства тем, кто не знает,
что объем, занимаемый телом,
чем-то больше не может быть занят.

Где-то пуля по-своему косит
против правил новейших учений,
что, объем занимая, не спросит,
сколько есть на закон — исключений.

Будет больно, но это — недолго.
Было б странно не чувствовать боли,
что фантазия тела, и только,
да и то — на секунду, не более.

Тащит в землю закон тяготения,
что так часто бывает нарушен —
тяги в землю не чувствую тени я,
пусть там даже теплее и суше.

Здесь — прохладней, но нет невозможного,
ноль нередко возводится в степени,
развиваясь к простому — от сложного.
По закону военного времени.